

В кругу своих любимых женщин

Общая газета. - 1998.
- 9-15 апр. - с. 10

Легче всего играть в домоуправлениях

Николай Петров перед юбилеем ушел в собственный мир

С Николаем Петровым мы встретились в классе консерватории: среда — его присутственный день. Династический музыкант (дед — знаменитый в свое время бас Василий Петров), познавший в свое время все строгости обучения вплоть до бабкина ремня, — профессор Петров, похоже, не авторитарен, но требователен.

— Святослав Рихтер был эталоном рыцарства в музыке. Музыкантам известно, что часто после блистательного концерта он оставался в зале до четырех утра и «вычищал» одному ему ведомые орехи, которых, может, и не было. Высочайшая требовательность к себе, ощущение стыда и ответственности за свое творчество есть суть русского интеллигента; по крайней мере, именно так определяется это качество для меня.

— Согласны ли вы с тезисом о гибели российской интеллигенции?

— Все наши советские правители, начиная с Ленина, были людьми, ненавидящими культуру, будучи некультурными сами. Известно ленинское определение: «Интеллигенция — это г...о». Они ненавидели ее — но прекрасно понимали, что с ее помощью можно замазать свои преступления перед человечеством. После ввода войск в Чехословакию, Афганистан, когда весь мир кричал, что Россия страна-убийца, они посылали ансамбли Моисеева, Александрова, «Березку», Рихтера, Ойстраха, Когана — и совершенно ошеломленные зрители говорили: «Не может страна, где так поют и играют, быть страшной».

Не хочу обсуждать степень интеллигентности Бориса Николаевича, но, во всяком случае, он не говорит «ложить начало» и именно он создал Совет культуры, куда, кстати, вхожу и я. Сейчас мы пробиваем важнейший для судьбы России Закон о меценатстве, создан канал «Культура», и вообще — наконец-то впервые за 80 лет спрашивают наше мнение и считаются с ним. Раньше внимание властей пренебрежительно ограничивалось посещением «престольных» концертов к 1 Мая или 7 Ноября.

— А вы сами часто там играли?

— В те годы нас не спрашивали, нам приказывали.

— Но вы же не подчинились приказу работать в Копенгагене с Федосеевым...

— ...за что в 1978 году получил пять лет невыезда. Благодаря Богу за то, что в этой истории хватило пороку не скурвиться — как и в моей архивной эпопее. Что касается господина Федосеева, то я не имею ничего против него; я даже с ним не знаком. Но тогда, в конце 70-х, я знал, что мой бывший друг Геннадий Николаевич Рождественский был вынужден уйти из БСО, где проработал долгие годы: он отказался выгнать евреев по приказу Лапина. Его место занял Федосеев. И как же я мог поехать играть с ним, зная, что Рождественский не подает мне руки? Правда, тогда я не мог предположить, что буду так им подставлен в истории с архивами Гостелерадио.

— У советского культурного приказа был миф: культ такой пианист Николай Петров, который играет в основном «за пределами СССР».

— Ничего подобного. У меня не было ни одного се-

зона, когда бы я не играл 35–40 концертов в СССР. Этот миф поддерживали люди, редко посещавшие залы. Последние 15 лет только здесь, в консерватории, я играю более 10 концертов в год. Другое дело, что с юных лет к отечественным концертам у меня были «запредельные» на то время требования. В отличие от многих своих коллег, я только дважды в жизни сыграл на пианино — в то время как обычная практика Союз- и Росконцертов «на местах» предполагала «8 концертов на пианино, 2 на рояле». Мои же требования были следующими: меня должны встретить и проводить; в номере должен быть душ и туалет; в зале — тепло и настроенный рояль. Любое невыполнение этих правил означало мой немедленный отъезд. Я с сожалением наблюдал профессиональную деградацию многих талантливых музыкантов, соблазненных этим легчайшим хлебом. Ведь нет ничего легче, чем играть в домоуправлениях, в пожарных частях и профилакториях, но после таких «опасных гастролей» в Большой зал консерватории возврата нет.

— У многих ли из учеников профессора Петрова есть шанс попасть на большую сцену?

— Трое моих студентов уже стали международными лауреатами, но у сегодняшнего пианиста все меньше шансов пробиться. Во всем мире происходит чудовищный перекос именно в сторону фортепиано. Это можно проверить: в нашей консерватории преподает фортепиано человек 25, скрипку — около 10, другие инструменты — один-два... А в симфоническом оркестре 100 человек: 60 струнных, 20 духовых, 5 ударных — и один рояль! Нет, плодят и плодят пианистов. Я думаю, что, если бы вдруг были закрыты все музыкальные учреждения мира, где преподают фортепиано, лет через 10 только вспомнят, что где-то нужен пианист.

Идет немыслимая девальвация конкурсов и понятия «лауреат»: их число превысило все мыслимые пределы на душу населения. Я был в жюри на конкурсе в Больцано, куда приехали 9 лауреатов первых премий других конкурсов; по условиям, они имели право приехать сразу на второй тур. Но лишь один из них дошел до финала и разделил шестую премию. Все остальные слетели мгновенно. Идет галоп конкурсов с разрывом в неделю-полторы, и пианисты подают документы на все — и где-то побеждают: лучшие среди средних или средние среди худших.

— Или среди геев.

— Это уже отдельный разговор. Я считаю, что любой человек вправе у себя в спальне вести себя так, как ему угодно. Но существует агрессивные геи, которые считают, что те, кто не постиг этой прелести, — недочеловеки. Чайковский был гомосексуалистом, но всю жизнь от этого страдал, переписывал Литургию по сто раз, каялся, пытался жениться... А если бы он ходил по улицам с плакатом «Свободу геям!», то не написал бы ни «Ромео», ни Шестой симфонии...

— В связи с конкурсами возникает еще один сюжет — повальная вундеркинлизация музыки.

— Есть совершенно четкий критерий перехода из категории вундеркинда во взрослую лигу: вместо коротких штанишек надеваются длинные, а вместо банта — бабочка или смокинг. Когда-то дав-

но я читал интервью Роберто Бенци — был такой мальчик-дирижер, в 8 лет обеззвонивший весь мир, гремел в 50-е. А сейчас он дирижер оркестра какого-то заштатного городка во Франции или Италии и говорит: «Я проклиная тех, кто сделал из меня вундеркинда». Огромное количество талантливейших мальчиков и девочек погибли как музыканты из-за коммерческого использования их труда. Эти дети не могут понять, что огромный зал, рукоплещущий им в 8–10 лет, все им прощает — неверную интонацию, фальшивые ноты. А когда человек выходит в 14, 15, 16 лет — бац! — уже не прощает. Кто из них состоялся как зрелый музыкант? Яша Хейфец, Ефрем Цимбалист...

— Все больше музыкантов идут по вашему пути — соединение классики и джаза в одном концерте.

— Я совершенно не разделяю классику и джаз. Ветвь джаза, может, менее пушиста и велика, чем ветвь классической музыки, но дерево-то одно — вспомним международных звезд Превина, Гульда, всю жизнь совмещавших классику и джаз. Есть высокоталантливая эстрада — Шульженко, Русланова, Магомаев, Кобзон; эти люди всегда работали честно, без «фанеры». И есть заросли мерзейшей попсы, на которой делают состояния наши телевизионные культуркиллеры.

— Недавно Ван Клиберна не моргнув глазом заявил о том, что национальных школ не существует.

— Фактически он прав. И Бернштейн, и Горовиц, и Исаак Стерн, и Артур Рубинштейн, и учитель Клиберна — Розина Левина — большинство крупнейших педагогов мира принадлежат к русской школе. Очень жаль, что сейчас мы являемся свидетелями агонии этой школы у себя в России. В Московской консерватории остались считанные педагоги, которые осознают свою ответственность перед врученными им судьбами будущих музыкантов и не мотаются месяцами по белу свету в поисках заработка. Любой человек понимает смехотворность нынешней зарплаты, но цепь провалов «наших» на крупнейших музыкальных состязаниях говорит сама за себя.

— На какой стадии находится ваш «крестовый поход» за смежные права?

— Голубчик, это уже не мой поход. Уже год функционирует Российское общество по смежным правам, где я президент. Сейчас мы добиваемся реализации 26-й статьи соответствующего закона, регламентирующей вопросы отчислений за импорт в Россию аудио- видеопродукции и чистых кассет. В случае успеха сотни миллионов долларов получат люди, которых все эти годы официально обкрадывали, — исполнители, фонографисты... Кроме того, мы сможем взять на себя, например, большую часть финансирования канала «Культура».

— Вы сейчас много ездите?

— Не так много, как раньше; сейчас я играю 70–80 концертов в год. Я устал от бесконечных самолетов, поездов, гостиниц и ресторанов. Хочу больше времени проводить дома с семьей. Мой дом — мой собственный мир, куда запрещен вход людям с нечистыми руками; он мал, но меня очень устраивает.

Беседовал
Юрий ВАСИЛЬЕВ